

Память об общем социокультурном пространстве Югославии и его распаде в романах Горана Войновича

Аннотация:

Романы Горана Войновича (р. 1980) затрагивают тему памяти о пространстве Югославии и его расколе — это двойной социокультурный срез проблематики переселенцев из южных республик на территории Словении («Чефуры вон!», 2008), военные преступления и вопрос об ответственности поколения детей («Югославия, моя страна», 2013), проблема памяти и воспоминаний, формирующих основу идентичности («Инжир», 2016).

Ключевые слова:

Горан Войнович, словенский роман, распад Югославии, память, идентичность.

*Aleksandra N. KRASOVETS
(Moscow)*

The memory of the common socio-cultural space of Yugoslavia and its disintegration in the novels of Goran Vojnović

Abstract:

The novels of Goran Voinović (born 1980) deal with the theme of the memory of the space of Yugoslavia and its disintegration, in a double perspective, social and cultural, of the problematics of the settlers migrated from the former Yugoslav republics to Slovenia («Čefurji raus!» («Southern Scum Go Home!»), 2008), war crimes and the issue of responsibility of the next generation («Jugoslavija, moja dehela» («Yugoslavia, My Fatherland»), 2013), and the problem of remembrance and memories that underpin identity («Figa» («The Fig»), 2016).

Keywords:

Goran Vojnović, Slovenian novel, the collapse of Yugoslavia, memory, identity.

В современной словенской литературе Горан Войнович (р. 1980) относится к тем немногим авторам, чьи романы критика и читатели принимают с однозначным воодушевлением: все три его романа были удостоены награды «Кресник», присуждаемой газетой «Дело» («Delo») за лучший словенский роман года.

Действие романов Войновича разворачивается на территории бывшей Югославии, что, безусловно, неслучайно, как говорит сам автор, это его личное пространство, жизненное и культурное, а также литературное¹. Тридцативосьмилетний писатель и кинорежиссер боснийско-хорватского происхождения, родившийся в Словении, отмечает, что у билингов, как правило, две литературные родины, и, говоря о себе, приводит в пример Л. Ковачича и М. Селимовича². Сам Войнович утверждает: «Мои романы живут там, где живут мои воспоминания. Воспоминания — это бездна, из которой я черпаю слова»³. Границы, возникшие на когда-то общем пространстве бывшего государства, пролегли не только между людьми и народами, но и внутри отдельных личностей, о себе писатель говорит: «Взять хоть мой родной язык, который распался на четыре части. Граница проходит сквозь меня, и иногда у меня появляется неприятное ощущение, что я не могу добраться до самого себя, что граница закрылась и я остался на одной из сторон. Разделенный надвое. Сила границ на самом деле устрашает. Всякая граница со временем неизбежно отчуждает тебя от того, что за ней, какой бы проходимой она ни была. Поэтому мой сегодняшний мир разделен границами, географически, культурно и лингвистически. Я чувствую, как он замкнут, как внутри этого нашего маленького мира каждый из нас создает для себя еще меньший. Потому что мы не можем перейти границу, поместить себя на другую сторону»⁴.

Обращение к пространству бывшей Югославии, восстановление памяти о предыдущих границах, сформировавших свою особую социокультурную югославскую идентичность, и есть та область, в которой существуют произведения Войновича. Литературное творчество молодого писателя направлено также на ту сферу работы памяти, которая возникла в эпоху «идеологической деколонизации», если использовать терминологию французского историка П. Нора, создателя концепции «мест памяти» как нового метода изучения современной истории. Такого рода деколонизация характерна для стран, сбросивших с себя гнет тоталитарных систем XX в., она способствовала тому,

что освободившиеся народы обращаются к памяти, которая была отнята, разрушена или искажена соответствующим режимом в свою пользу⁵. Балканские страны также стали частью этого процесса, который получил свое продолжение вместе с необходимостью осмыслить события распада Югославии и разразившихся военных конфликтов. Разрушение мифа-носителя государственной идеи, попытки выстроить новый национальный миф с опорой на национализм, большой градус идеологизации, но теперь уже в противоположном направлении, требуют в свою очередь активизации «долга памяти» в противовес «истории», представляющей собой объект манипуляции со стороны власть имущих. Память таким образом владеет преимуществом верности, наполнена живым присутствием свидетелей прошлого, выражает истину живой памяти о пережитом⁶. Говоря об эпохе конца истории, Нора справедливо замечает: «Мир затопила нахлынувшая волна воспоминания, прочно соединив верность прошлому — действительному или воображаемому — с чувством принадлежности, с коллективным сознанием и индивидуальным самосознанием, с памятью и идентичностью»⁷. Вопрос о сложном процессе становления идентичности, завязанном на активной работе самосознания и памяти, — центральная тема романов Войновича.

Дебютный роман писателя «Чефуры* вон!»⁸, вышедший в 2008 г., был нацелен на нерешенные болезненные социальные проблемы, на общественные травмы, возникшие после распада Югославии. Автор создал яркие портреты социально и культурно маргинализованных слоев переселенцев из южных республик бывшего государства СФРЮ в провозгласившей независимость Словении, а также пронизательно высветил переселенческую и словенскую социопатию, не без обращения к языковому многообразию обитателей многонационального спального района Любляны — Фужин. Мультикультурное наследие распавшегося государства продолжает быть одним из факторов общественной жизни, проблема чужого при этом из сферы социального неизменно проникает в область глубоко интимного. Вопрос множественной идентичности поставлен в романе со всей своей пронзительной очевидностью. Произведение Войновича можно назвать частью такого явления (связанного с эмансипацией малых народов, сексуальных, социальных,

* «Чефур» («Čefur», слов., пренебр.) — так в Словении называют иммигрантов из южных республик бывшей СФРЮ и их детей.

религиозных, региональных меньшинств, групп, семей)⁹, как «внутренняя деколонизация»; так называемые чефуры в нем наделены собственной памятью, что способствует признанию их особенности словенским большинством и, следовательно, их интеграции. Книга молодого писателя, не став пока полноценным «местом памяти», тем не менее отражает целый пласт популярной культуры двух поколений приезжих преимущественно боснийского, сербского и хорватского происхождения, с их любимыми исполнителями, книгами и фильмами, с именами спортсменов и спортивных команд, дает представление об уникальной «чефурской» молодежной субкультуре с ее модой, сленгом и турбо-фолк музыкой. О масштабе затронутого автором явления говорит беспрецедентная популярность романа в Словении, благодаря своему искрометному юмору он не только смог дойти до массового читателя, но и заставил читать тот слой населения, который по определению не берет в руки книг. «Чефуры вон!», по словам автора, были его криком, так же, как и его второй роман «Югославия — моя страна». В этих двух произведениях, по его словам, он выкричал то, что рвалось наружу и должно было быть выкричано¹⁰.

Роман 2013 г. «Югославия — моя страна»¹¹, вопреки названию, которое, казалось бы, отсылает к чувству югоностальгии, в действительности нацелен на развенчание югославского мифа. Время действия романа — время разделения бывшего государства, время осознания причин и следствий трагических событий. В произведении речь идет не только о распаде страны, но и о распаде семьи Бороевич. Действие начинается с того, что тридцатилетний главный герой по имени Владан, уверенный в том, что он в возрасте двенадцати лет потерял отца, погибшего в Балканской войне, узнает, что тот жив и разыскивается гаагским трибуналом за военные преступления. Так начинается для героя болезненное столкновение с прошлым когда-то общей родины, но это не столкновение отцов, ответственных за кровавые события, а рефлексия поколения сыновей, которые вынужденно несут свой груз вины. Возникает вопрос о том, каким образом добрый, любящий папа из идиллического детства смог превратиться в убийцу, как можно и можно ли вообще понять поступки отца, можно ли понять, рационализировать, оправдать зло? Что такое зло, которое является следствием другого зла? Автор ведет своего героя через края, где время остановилось, через сербские города и боснийские деревни, где когда-то кипела жизнь. По мере прохождения этого пути происхо-

дит демифологизация Балкан как радушной и романтической земли, где согласно какому-то историческому фатализму периодически раздражаются братоубийственные конфликты, где якобы какое-то иррациональное мифологическое зло на генетическом уровне заложено в его жителях, которые ввиду этого не могут действовать иначе. Позиция Войновича однозначна: не судьба решает за человека, а человек есть тот, кто отвечает за свою судьбу. Герой вынужден заново выстраивать свою идентичность, повторно оказавшись без отца: «Мне было проще принять мысль о том, что Неделько Бороевич в одно мгновение перестал быть человеком, превратился в механическое смертоносное устройство и как таковой перестал быть моим отцом. [...] В этот момент мне было проще принять что угодно, но только не то, что люди умирали, тогда как он думал о Душе [маме. — А.К.] и обо мне»¹². Автор задается вопросом, можно ли идентифицировать себя с государством, которое в конце своего существования спровоцировало братоубийственную войну и уничтожило столько жизней? Может ли оно быть предметом обожания и ностальгии? Для Войновича оказывается важным уйти от черно-белой оптики, которой манипулируют те или иные политические силы, идеализация или демонизация бывшего государства, по его мнению, одинаково ошибочны и дают абсолютно искаженную картину некоего периода¹³.

Пошатнувшаяся идентичность главного героя имеет прямое отношение к проблеме разорванной памяти, прерванной связи между поколениями, когда от детей скрывается страшное прошлое, табуированные проблемы общества. Эта тема особенно дорога писателю и станет одной из центральных в его следующем романе «Инжир» (2016). Вся сложность истории XX в., желание старшего поколения обезопасить своих детей приводит к замалчиванию реальных событий, к сокрытию от них истинного положения дел, в результате чего прерывается преемственность памяти, она становится чем-то крайне хрупким и требующим активных усилий для ее восстановления. Так, похожий мотив, когда от детей скрывается тяжелая правда об отце, мы находим в фильме Эмира Кустурицы «Папа в командировке» (1985), действие которого разворачивается в конце 1940-х — начале 1950-х гг. в Сараево в разгар работы Информбюро: папу шестилетнего мальчика Малика, от имени которого ведется повествование, отправляют по доносу в трудовой лагерь, близкие ребенка говорят ему, что отец уехал в командировку. Малик чувствует, что его обманывают и старается

узнать, что же происходит на самом деле. Подобного рода попытки по обрывкам информации восстановить истину о случившемся становятся настоящим долгом главного героя Войновича, долгом, обусловленным интенсивным внутренним принуждением.

Третий роман Войновича под названием «Инжир»¹⁴ уходит от прямых социально ангажированных тем и переходит в сферу интимного, личного существования, которое, однако, еще глубже заставляет задуматься о тяжести пережитого. Название, по словам автора, не несет какого-либо двойного значения, это дерево перед домом деда и бабушки в хорватской Истре напоминает о доме, о людях, которые в нем живут¹⁵. В центре повествования оказывается история одной семьи, которую рассказывает тридцатилетний главный герой по имени Ядран. Речь идет о трех поколениях, жизнь которых проходит во времени и пространстве существования социалистической Югославии, ее распада и настоящего Республики Словении.

Действие романа начинается в 1955 г. в хорватской Истре, куда молодой Александр Джорджевич, дед главного героя, прибывает для вступления в новую должность смотрителя лесных угодий в Буйе. Из короткой предыстории мы узнаем, что Александр оказался в Любляне, когда был еще ребенком, в Словению он переехал из Сербии вместе со своей матерью, которая была родом из Украины, ее настоящее имя было Эстер Алехин, и она скрывалась от фашистских преследований. Автор изображает послевоенную Истру, когда в опустевшие дома, где прежде жили итальянцы, заселяются вновь прибывшие из разных уголков обширного многонационального государства. Жена Александра — словенка Яна Бенедейчич приезжает вместе с ним. Не желая жить в доме изгнанных людей, Александр строит свой собственный дом в десяти километрах от Буйе, в деревне Момьян. Отношения пары надламываются, когда Александр в годы позднего социализма вынужден уехать на работу в Египет, тогда же начинает проявлять себя Янина возрастная деменция. Отношения между другими героями, мамой Ядрана — Весной, дочерью Александра и Яны, и ее мужем Сафетом Диздаром — также распадаются, когда Сафет вскоре после выхода Словении из состава СФРЮ вдруг покидает семью, свою жену и сына-подростка и переезжает жить в Боснию, где начинается война. Причиной этому, как позже выясняется, оказывается то, что Сафет попал в список так называемых «вычеркнутых», то есть тех, кто, не подав вовремя документы на словенское

гражданство, после провозглашения Словенией суверенитета оказались лицами без гражданства, многие были вынуждены вернуться в места своего рождения, которые в начале 1990-х стали территорией кровавых распрей. В начале повествования от главного героя Ядрана также уходит его девушка Аня, оставив его одного с их четырехлетним сыном Марко. Завязкой действия, однако, становится смерть Александра и подозрение Ядрана о самоубийстве деда. Именно в этот момент начинается путешествие героя по семейной географии в попытках распутать причинно-следственную связь побегов его близких, плотно вошедших в ткань его собственной жизни и составляющих ее драматическую сущность. Лишь вникнув в семейное прошлое, он, возможно, поймет свое настоящее. Когда, кажется, что паззл складывается в объективную картину, мы узнаем, что все это плод его воображения: «Моя история вымышленная, свои воспоминания, этот неорганизованный набор образов и голосов я при помощи своего воображения связал между собой, выстроил в логический, устраивающий меня порядок»¹⁶. Герой признается, что не знает слишком много из истории своей семьи, не знает, от чего бежала его прабабушка, как познакомились его родители, что чувствовал и чем был занят его отец, когда был вынужден уехать в Боснию, что заставило его смириться и бросить любимую семью, почему его дед был вынужден отправиться в Египет, каково ему было там и каково было потом жить с теряющей память бабушкой. Зияющие пустоты герой заполнил своими выдумками, сконструировав тем самым и свое я. История Ядрана о семейном прошлом, наполненном произнесенными табу, таким образом является историей самооправдания, историей о страхе взять на себя ответственность. Это не только страх взять ответственность за свои поступки, но и страх перед любовью, которая лишает человека свободы, требуя от него рано или поздно идти на жизненные компромиссы. Однако противоположность любви, как показано в романе, это вовсе не свобода, а одиночество, которое оказывается ее обратной стороной.

Одной из важных тем в романе становится тема памяти. Автор, будучи также режиссером, свою позицию в отношении этой проблемы выражает, рассуждая о явлении документального фильма, и говорит, что не верит в его существование: «Как только мы пытаемся что-то задокументировать, мы меняем реальность. Документальность — это не документ, но уже подражание. Документальный фильм сегодня по-

шел по направлению художественного фильма, признался себе самому, что ничего нельзя задокументировать в таком виде, как оно есть на самом деле, но при этом можно что-то создать, прокомментировать. Так же, как и в жизни»¹⁷. Как следствие возникает вопрос о недокументальном функционировании памяти, о том, что ей нельзя довериться. По мнению Войновича, воспоминания — это истории, которые мы сами себе рассказали по памяти. Как только человек начинает рассказывать, он выстраивает порядок ассоциаций, и это в дальнейшем определяет следование событий. Тот способ, при помощи которого мы рассказали историю, запечатлется в памяти больше, чем то, что нам действительно довелось пережить¹⁸.

С этим положением в отношении функционирования памяти и воспоминаний во временном ракурсе в целом соглашаются психологи и философы. М. Мерло-Понти в своей книге «Феноменология восприятия» (1945) пишет: «Сохраненное восприятие остается восприятием, оно продолжает существовать, оно постоянно пребывает в настоящем, оно не открывает позади нас того измерения ускользания и отсутствия, каковое и есть прошлое. Сохранившийся обрывок пережитого прошлого — не более чем повод для мысли о прошлом, сам по себе он не может быть им признан»¹⁹. Французский психолог и философ П. Жане в своей работе «Эволюция памяти и понятие времени» (1928) выделил понятие памяти-повествования (*récit*), которая является необходимым этапом развития исторической памяти: понятие настоящего времени объединяет действие и его изображение в этом повествовании, оно есть также начало переноса действия во внутренний план — «рассказ о действии, который мы сами себе рассказываем в продолжении действия»²⁰. М.С. Роговин продолжает изложение теории Жане: «Из памяти-повествования, преодолевающей отсутствие, вырастает память, обращенная в прошлое (*narration*). Ориентирование во времени оказывает обратное влияние на память, превращая ее в логическую память, опирающуюся на осознание необходимой связи событий. И наконец, поскольку с точки зрения структуры участвующих в этих процессах психологических механизмов память есть „пересказ самому себе“, она обуславливает, таким образом, развитие языка»²¹. Таким образом, истинно человеческая память — это память-повествование. Глобальные перемены XX в., ускорение всех социальных процессов, исчезновение крестьянства, являющегося по преимуществу носителем коллективной памяти, привело к невозполнимым потерям,

установило, по мнению Нора, дистанцию, «лежащую между истинной памятью — социальной и нетронутой, а именно, памятью так называемых примитивных, или архаических, обществ, которые служат ее моделью и владеют ее секретом, и историей, в которую превращают прошлое наши общества, обреченные на забвение потому, что они вовлечены в круговорот изменений. [...] Такое искоренение памяти под захватническим натиском истории имело следующие результаты: обрыв очень древней связи идентичности, конец того, что мы переживали как очевидное — тождество истории и памяти»²². Отношение к прошлому таким образом изменилось, культ воспоминаний и «мемуаров» охватил нашу эпоху: «Чем менее экстраординарным является свидетельство, тем более достойной иллюстрацией средней ментальности оно кажется. Результатом ликвидации памяти является общее стремление все регистрировать»²³. Об одержимости современного человека документировать собственную жизнь, лишаящей его естественной внутренней свободы памяти, говорится в романе Войновича. Героиня Весна, рассматривая редкие фотографии умерших родителей, рассуждает: «Их история принадлежала только им. Хотя она и была выдуманной, она была реальнее всех наших, задокументированных историй. Какое уродливое выражение. Документировать. Сегодня мы документируем свою жизнь, свои свадьбы, рождение детей, выпускные, дипломы, путешествия, все документируем, они же о них помнили, рассказывали [...] и составляли из них истории. Склеивали их вместе, как им вздумывалось, поскольку важно было только, чтобы история была красивой, чтобы они сами были красивыми в этой истории. Зачем рассказывать неприглядные истории лишь потому, что они и впрямь произошли? Зачем их помнить? Жизнь для них [родителей. — А. К.] была действительно тем, что они сами запомнили, а нас принуждают помнить все, навязывают нам нашу собственную жизнь, устроенную по чужой воле. У нас больше нет свободы. Потому что свобода в переименовании, в обманах, в выдумках, в уловках. По отношению к себе и другим. Это свобода. Что ты видишь себя таким, каким хочешь себя видеть, а не таким, каким тебя видят другие. Мы несвободны, так как принимаем свое отражение в зеркале»²⁴. Автор вкладывает в слова героини важную идею о памяти как стихии, которая вправе выбирать, а значит и забывать, как правило, нечто тяжелое, травматичное, нелицеприятное и удерживать в голове человека приятные, счастливые моменты. Императив памяти — новое наваждение

современного времени, искусственное принуждение, тогда как забывать — естественно.

В романе «Инджир» проблема памяти-забывания также затрагивается в теме сенильной деменции, от которой страдает бабушка Яна, теряющая память и тем самым собственную личность и идентичность. Здесь речь идет о воспоминаниях как о том, что формирует человеческое я, и о человеке, которого делает личностью именно то, что он помнит. С исчезновением воспоминаний человека не остается. Говоря об этой болезни, автор показывает трагическое необратимое умирание человеческого сознания в живом теле. Близкие человека, которые еще вчера жили в его воспоминаниях, сегодня умирают вместе с ним, так происходит распад души в буквальном смысле слова²⁵. Это особый вид исчезновения, его момент неопределен, близкие годами переживают уход человека, который все еще рядом с ними, что делает этот процесс особенно болезненным. Войнович также показывает, что нарушение памяти так или иначе имеет психогенную природу, оно детерминировано историей личности, динамикой ее влечений и конфликтов²⁶. Болезнь героини спровоцирована отъездом мужа в Египет, чувство вины последнего делает процесс умирания еще более тягостным. Читатель становится свидетелем того, как вместе с частичками воспоминаний разрушается и внутренний мир героини, единственным способом его удерживать являются заботы и воспоминания ее супруга. Беспамятство предстает как нечто страшное и отчуждающее во всей своей натуралистичности, с присущими ей аффектами и жестокостью. Человек начинает выпадать из структуры социума, семьи и естественности человеческих чувств.

В романе тема памяти, воспоминаний имеет непосредственное отношение к теме смерти. Память о смерти является неотъемлемой характеристикой человеческого: «я человек, поскольку у меня есть память о смерти, которая постоянно тревожит меня, пугает, волнует, составляет существенную часть моих переживаний. Память не просто о смерти конкретных близких мне людей, но о смерти как символе, и о жизни как символе, помимо тех стараний, которые я прилагаю, чтобы выжить»²⁷. Таким образом проблема смерти как таковой выводит проблему памяти в область онтологических категорий: «Символ, культ, ритуал — это все установки живущей в нас чистой памяти, которые преобразуют естественные, стихийно и случайно возникающие побуждения человека в устойчивые духовные константы его бытия.

Он преобразует самого человека из естественного в духовное существо, закрепляет в нем память, любовь, совесть»²⁸. Тема смерти в романе Войновича однако получает еще один ракурс: смерть, уход человека ставят героя перед необходимостью вспомнить и таким образом делают отсутствие еще большим присутствием. Первой концепцией памяти как гносеологической проблемы и сегодня сохраняющей свое значение для современной философии стало положение Аристотеля о том, что «память, подобно картине, есть в одно и то же время и предмет, и изображение чего-то отсутствующего»²⁹. Память для древнегреческого философа — возможность двоякого рассмотрения образа: «безотносительного — в созерцании или воображении и как копии, подобия чего-то другого — в памяти»³⁰. Таким образом, неотъемлемыми составляющими памяти являются категории «присутствия» и «отсутствия»; память — это не что иное как «реакция на отсутствие», формы поведения, возникающие как результат последней, в совокупности и составляют память. Согласно Жане, «это ожидание, искание, отсроченное действие, поручение — сначала поручение с реалиями, затем символическое, со знаками, и, наконец, со знаками языка»³¹. Настоящая память возникает лишь тогда, когда возникает возможность описания, то есть превращения отсутствующего в присутствующее, что становится осуществимым лишь в памяти-повествовании. Ему и посвящает себя главный герой романа: смерть деда, уход отца, подруги вынуждают Ядрана вспоминать, выстраивать логику событий, анализировать, а значит решать проблемы, от которых он сам пытается уйти как от чего-то крайне болезненного. В этой связи показательным кажется на вид абсурдный эпизод, некий сдвиг отца героя Сафета, который в Боснии ищет выпуски словенской газеты «Дело» только для того, чтобы читать рубрику с некрологами — упоминание о смерти знакомых людей пробуждает у него интерес к прежней и давно забытой жизни в Словении, заставляет вспоминать. Так герой узнает о смерти своего тестя Александра и приезжает на похороны, чтобы увидеть оставленную им семью. Похожий эпизод с некрологами мы находим в первом романе Войновича «Чефуры вон!»: «По вечерам тут смотрят *Съечанья*. Это программа на TV Visoko, в которой крутят извещения о смерти. Почил вечным сном и прочая муть. Ни звука, только картинки извещений. И все на это смотрят и потом комментируют: „Уже ведь три года, как Шефик умер? Это же Мирсады Шечеговички *отац*? У него жена умерла во время войны или до?

А был кто на похоронах?» — и всякое такое. Это их общественная хроника. Каждый вечер в прайм-тайм они смотрят извещения о смерти и пересчитывают друг друга. Очуметь можно от такого мрака, но им по душе, и не пропускают ни одного *Съечанья*, хоть ты тресни»³². В форме некролога, безусловно, выражается традиционный, символический, уходящий корнями в архаическое ритуал, призванный закрепить в памяти живущих смерть как одно из существенных событий бытия, заставить помнить. В случае с Сафетом мы видим, насколько эффективно работает этот механизм. Маленькая, индивидуальная, психологическая, субъективная память таким образом формирует историю отдельного человека, отдельно взятой семьи, и именно она противостоит социальной, коллективной и всеобъемлющей исторической памяти. Жизненно важной оказывается необходимость выразить и проговорить свои чувства, какими бы они ни были негативными, травмы остаются неизлеченными до тех пор, пока о них молчат, пока они остаются табу. Память в романе — это необходимая рефлексия, неизбежное додумывание, главный герой заполняет им то, что скрывалось от него, все то, чего он не знает о собственной семье, все лакуны и все то невысказанное, с чем он вынужден жить, и все это, чтобы перестать чувствовать себя жертвой, разорвать порочный круг.

Психологический механизм, к которому обращается Войнович, указывает на существенный элемент функционирования памяти, а именно на его опору в бессознательном: извлечение из бессознательного, экстрагирование и воспроизведение — это и есть, по мнению известного французского психиатра А. Эйя, собственно память, — то, что дремлет в бессознательном, выступает как возможное по отношению к самому воспоминанию³³. Эйя утверждает, что, в общем, вся память «совпадает с понятием становления личности, а то, что обычно имеется в виду под актом воспоминания, есть только выход на поверхность результатов той предшествующей работы, которая осуществлялась на нижележащих уровнях, репрезентирующих непрерывную связь настоящего с прошлым; при этом каждое воспоминание есть „отзыв“ (gappel), обусловленный тем „призывом“ (appel), с которым внешний мир обращается к каждому моменту нашего существования»³⁴.

Выведенную таким образом формулу можно проиллюстрировать и на материале романа «Инжир». Так, Ядран признается, что почти вся рассказанная им история семьи — плод его фантазии, то есть то «возможное» по отношению к истинному воспоминанию, что скры-

вається в бессознательном (в бессознательных желаниях) и что вышло на поверхность как ответ, отклик на внешнее положение в настоящем. Герой выстраивает удобную для него схему, оправдывающую, защищающую от чересчур травматичного, запуская таким образом свой оборонительный механизм. Именно процесс повествования оказывается для молодого человека существенно необходимым, он составляет неотъемлемую часть конструирования себя как личности. Мы видим, что там, где память разорвана, прямая, соединяющая прошлое, настоящее и будущее разрушена, индивид вынужден по «следам» прошлого искать его смысл и, быть может, найти секрет того, что он из себя представляет — свою идентичность. Ведь настоящее, как категория, в которой мы себя осознаем, неминуемо включает в себя рефлексии о себе и своей истинности³⁵. Идентичность сегодня стала той категорией, которая создается самоутверждением, и так же, как и память, превращается в долг: «Именно здесь, на уровне обязательств, возникает связь между памятью и социальной идентичностью. С этой точки зрения они подчиняются одному и тому же механизму: эти слова стали практически синонимами, и их сближение характерно для новых механизмов исторической и социальной динамики»³⁶.

Императивное обращение к памяти — это, по сути, взывание к справедливости, способ вернуть правосудие жертвам, а также способ отрефлексировать груз бессознательного, переданного предыдущими поколениями. О главной идее своей книги Войнович говорит так: «Посыл книги в том, что можно разорвать заколдованный круг, если удастся осознать, что с тобой происходит, что ты унаследовал, что ты бессознательно транслируешь. Лишь через осознание можно противостоять прошлому, констатировать, что это прошлое на личном и социальном уровне. Нельзя сказать „идем дальше“, не разобравшись с накопившимся. Многие хотели бы двигаться вперед, не посмотрев в глаза прошлому. Но оно все равно нас настигнет [...]. В обществе это чаще происходит в более жестокой форме, чем в личной сфере. Процесс этот, однако, длителен и мучителен, на него способен далеко не каждый, многие не согласны на это. Гораздо проще сказать, меня это не интересует, и терпеть все дальше»³⁷.

Так, роман «Иджир» в поэтическом преломлении нашел равновесие между личной этикой индивидуума и социальной обусловленностью всего, что его окружает, границы, в пределах которых общество влияет на человеческую сущность. Автор предоставляет нам истори-

ческий срез общества, на которое большое влияние оказала политика, но не это для Войновича главное. Перед читателем в первую очередь вырисовывается тот путь, который Ядран прошел к самому себе, пережив потери близких, существенно повлиявшие на его личную идентичность. Признавая во многом свое бессилие, он все же прерывает причинно-следственную цепь драматических событий и достигает переломного момента, который заставляет героя двигаться дальше.

Финальный эпизод романа, описание инжира, который растет перед домом умершего деда, попытка героя взобраться на ветки и сорвать фрукт для своей возлюбленной, открывает еще одну перспективу понимания памяти, выводящую повествование на уже совсем другой уровень, — это память на фоне вечности, воспоминание о таких моментах выступает лейтмотивом всей жизни. Речь идет о «чистой» памяти, когда кажется, что еще немного, и мы вспомним самое важное, то, что составляет существо всей нашей жизни, и сама эта попытка создает особый внутренний строй души³⁸. К. Ясперс называет это сознанием «непостижимого воспоминания», как будто человек как экзистенция ведает о таинстве творения или будто может вспомнить, что он созерцал до бытия мира³⁹. В.Д. Губин продолжает идею Ясперса: «Стоишь перед тайной, и само это стояние делает тебя памятьливым. Каждый человек, обладающий такой памятью, является поэтом, художником, хотя он может и не создавать никаких произведений. Каждый такой человек — это прорыв в устойчивом, необходимом, фундаментально обоснованном мире. [...] Память — это не только совокупность всего, что с нами случилось. В ней хранится и то, чего с нами никогда не было. И это, возможно, самое важное в нашей памяти. Мы все время пытаемся вспомнить что-то самое главное, то, чего вспомнить нельзя, и эта попытка делает возможной нашу память»⁴⁰. Без этой памяти невозможно оценить значительность и глубину любой вещи, всякого события, чувства, ощутить всю тайну бытия. «Эта память подобна любви: невозможная, ошеломляющая, пронизывающая каждую минуту существования [...]. Эта память подобна свободе — непостижимая, никогда не осуществляемая до конца»⁴¹. Это момент, когда нет времени, когда человек может ощутить прикосновение вечности, это чувство возвращается при каждом дальнейшем потрясении в жизни. В такие моменты память делает человека свободным — «от его тела, от истории, от общества, от унылой повседневности существования. Свободными на мгновения, но этих

мгновений достаточно, чтобы почувствовать себя духовным существом»⁴². Такого рода метафизическим созерцанием на фоне вечного и его «вечной» природы, выпадением из времени в попытках найти «непостижимое воспоминание» и завершается книга Войновича: «Я прислонил голову к коре дерева. На влажной земле подо мной лежали плоды гниющего инжира, которые несколько дней назад вызвали у меня слезы, но та ночь мне теперь казалась далекой как детское воспоминание, словно дедушка умер в какой-нибудь прошлой, давно ушедшей жизни. Все, что было еще совсем недавно моим, казалось теперь отодвинутым куда-то далеко. Я, Ядран Диздар, был изгнанником из собственной жизни. Если бы я мог остаться скованным этим ощущением, то был бы свободен, подумал я. Если бы я не чувствовал страха перед воспоминаниями, то мог бы переехать сюда и мог бы быть один. [...] После полудня сидел бы во дворе и ждал, пока еще один день не выплывет из залива и не исчезнет в дали, как исчезают танкеры из порта в Копере. Вставал бы рано, спускался бы к соляным прудам и ходил по мягкой, потрескавшейся земле. Смотрел бы на свои ноги, как они переступают через извилистые трещины в земле, и спрашивал бы себя, сколько всего уже утекло в эту узкую черноту. [...] Не было бы больше ни часов, ни минут, зимы и весны наступали бы незаметно. Ничего бы больше не отсчитывалось, так как не от чего было бы отсчитывать. Все было бы уже после конца, все прощания и все разлуки были бы уже у меня в прошлом. Но и тогда я бы не был свободным, знаю. Свобода — заблуждение из заблуждений, лишь другое название для одиночества. И сейчас, когда я сижу под инжиром, прислоняю голову к его стволу и не чувствую бремени жизни, я несвободен. Просто брошен. Просто я один»⁴³. Дерево, однако, оказывается символом любви к близким, тем, что пробуждает в герое все самое лучшее и напоминает ему, что в нем все это есть: «Поэтому я был дедушкиному инжиру благодарен. Под ним я был таким, каким где-то еще только хотел быть. Когда я тянулся к его веткам или залезал на него, я любил Аню»⁴⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Leiler Ž. Goran Vojnović: Figa ni krik. Je dolg, tih izdih. Spomini so brezno, iz katerega zajema snov za svoje romane // Delo. 23.06.2017. URL: <http://www.delo.si/kultura/knjiga/goran-vojnovic-figa-ni-krik-figa-je-dolg-tih-izdih.html> (дата обращения: 20.03.2018).*

- ² Ibidem.
- ³ Ibidem.
- ⁴ Ibidem.
- ⁵ *Hopa П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 17.03.2018).
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Vojnović G.* Čefurji raus! Ljubljana, 2008.
- ⁹ *Hopa П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 18.
- ¹⁰ *Leiler Ž.* Goran Vojnović: Figa ni krik.
- ¹¹ *Vojnović G.* Jugoslavija, moja dežela. Ljubljana, 2011. Перевод цитат из романа сделан автором статьи.
- ¹² Ibid. S. 128.
- ¹³ *Angeleski Z.* Intervju. Goran Vojnović: Moja Jugoslavija ima svoju emotivnu geografiju // Novilist.hr. 05.01.2014. URL: <http://www.novilist.hr/Kultura/Knjizevnost/Goran-Vojnovic-Moja-Jugoslavija-ima-svoju-emotivnu-geografiju> (дата обращения: 20.03.2018).
- ¹⁴ *Vojnović G.* Figa. Ljubljana, 2016.
- ¹⁵ *Leiler Ž.* Goran Vojnović: Figa ni krik.
- ¹⁶ *Vojnović G.* Figa. S. 378. Перевод цитат из романа сделан автором статьи.
- ¹⁷ *Štefančič N.* Goran Vojnović: «Če predolgo ostaneš mlad, te krivičnost sesuje» // Air Beletrina. 11.04.2016. URL: <http://www.airbeletrina.si/clanek/goran-vojnovic-cc-predolgo-ostanes-mlad-te-krivicnost-sesuje> (дата обращения: 20.03.2018).
- ¹⁸ Ibidem.
- ¹⁹ *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб., 1999. С. 523.
- ²⁰ *Janet P.* L'évolution de la mémoire et de la notion du temps. Paris, 1928. P. 309. Цит. по: *Роговин М.С.* Проблемы теории памяти. М., 2007. С. 88.
- ²¹ Там же. С. 127.
- ²² *Hopa П.* Между памятью и историей. С. 18–19.
- ²³ Там же. С. 30–31.
- ²⁴ *Vojnović G.* Figa. S. 49–50.
- ²⁵ *Leiler Ž.* Goran Vojnović: Figa ni krik.
- ²⁶ *Роговин М.С.* Проблемы теории памяти. С. 69.
- ²⁷ *Губин В.Д.* Память и культура. Проблема неспостижимого воспоминания // Философские перекрестки взаимодействия цивилизаций: культура и ценности. М., 2016. С. 203.
- ²⁸ Там же. С. 204.
- ²⁹ *Роговин М.С.* Проблемы теории памяти. С. 130.
- ³⁰ Там же. С. 149.

-
- ³¹ Там же. С. 126.
- ³² *Войнович Г.* Чефуры вон! СПб., 2014. Перевод А. Красовец. С. 193.
- ³³ *Роговин М.С.* Проблемы теории памяти. С. 179, 180.
- ³⁴ Еу Н. *Études psychiatriques*. Vol. 2. Paris, 1950. P. 12. Цит. по: *Роговин М.С.* Проблемы теории памяти. С. 180.
- ³⁵ *Нора П.* Всемирное торжество памяти.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ *Štefančič N. Goran Vojnović:* «Še predolgo ostaneš mlad, te krivičnost sesuje».
- ³⁸ *Губин В.Д.* Память и культура. С. 197.
- ³⁹ *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 427.
- ⁴⁰ *Губин В.Д.* Память и культура. С. 198–199.
- ⁴¹ Там же. С. 201–202.
- ⁴² Там же. С. 207.
- ⁴³ *Vojnović G. Figa.* S. 388–389.
- ⁴⁴ *Ibid.* S. 390.